

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПОЛЬШЕ 1926 года И ИНОСТРАННЫЕ ГОСУДАРСТВА

С. Лопатнюк

К весне 1926 г. в буржуазной Польше резко обострилось внутриполитическое положение. Трудящиеся все активнее выступали против реакции. В Варшаве, Львове, Люблине и других городах состоялись массовые первомайские демонстрации, разогнанные с помощью полиции. В этих условиях буржуазные группировки повели еще более ожесточенную борьбу за власть, в ходе которой 10 мая было образовано правительство во главе с «крестьянским вождем», лидером партии «Пяст» В. Витосом. Но уже через несколько дней под видом борьбы с правительством реакции одна из группировок господствующих классов — пилсудчики — совершила государственный переворот. Майский переворот 1926 г. в Польше отдал власть в руки крайне реакционной, агрессивной и авантюристической политической группировки. Пропаганда лагеря пилсудчиков концентрировалась главным образом на внутренних вопросах. Вместе с тем подчеркивалось, что внешняя политика остается неизменной. Внутренние проблемы Польши не были безразличны иностранным государствам, но они прежде всего интересовались направлением внешней политики Пилсудского после переворота. Майский переворот привлек внимание политических кругов и печати всей Европы. Это было следствием прежде всего географического положения Польши. Без участия Польши или использования ее территории трудно было рассчитывать на организацию агрессии против СССР в Европе. Польша входила в систему союзов, созданную Францией, и наряду с Малой Антантой составляла главную опору французской политики в Восточной и Центральной Европе. Большое значение для международного положения в Европе имели также отношения Польши с Германией и с прибалтийскими странами. Оценивая майские события в Польше, правительственные круги отдельных государств руководствовались различными соображениями. Все буржуазные государства, которые одобрили майский переворот, надеялись на то, что Пилсудский займет более резкую антисоветскую позицию.

Франкофильской ориентации в Польше придерживались правые группировки эндеков — национально-демократической партии. Их внешнеполитические концепции в наибольшей степени отвечали интересам Франции. Не ограничиваясь контактами с правящим лагерем, французские политики и дипломаты еще до переворота поддерживали тесную связь с Пилсудским. Известный французский политик и дипломат Ж. Поль Бонкур, встречавшийся в начале апреля 1926 г. с Пилсудским, пришел к убеждению, что последний вскоре захватит власть¹. 25 апреля в Варшаву прибыл новый посол Франции Ж. Лярош, который в соответст-

¹ J. Laroche. Polska lat 1926—1935, wspomnienia ambasadora francuskiego. Warszawa, 1966, s. 30.

вии с инструкцией министра иностранных дел А. Бриана уже 5 мая нанес визит Пилсудскому. Этот визит не был актом простой вежливости — он свидетельствовал о том, что французская дипломатия придает большое значение личности Пилсудского и всей его группировке. В докладе, направленном в министерство иностранных дел, Лярош так излагал свои впечатления от этой беседы: «Приход маршала к власти приближается с каждым днем. Если его противники попытаются не допустить его к власти слишком грубым образом, он, вероятно, попытается добыть ее силой». А в дневнике посол записал, что от Пилсудского он «возвращался с уверенностью, что опасность государственного переворота становится все более явной»².

10 мая Пилсудский обратился к послу Франции с просьбой принять его 12 мая с ответным визитом. Возможно, Пилсудский пытался таким образом отвлечь внимание правительственных кругов от тайно подготовлявшегося переворота, который был назначен именно на этот день. Не исключено также, что он предполагал провести лишь демонстрацию верных ему воинских частей, сосредоточенных в Рембертове, под Варшавой. Остается фактом, что в то время, как французский посол ожидал визита Пилсудского, войска последнего уже овладели Прагой и готовились перейти на левый берег Вислы. После трехдневных уличных боев в Варшаве мятежные части Пилсудского оттеснили из Варшавы правительственные войска. Президент и правительство подали в отставку, Пилсудский стал хозяином положения. Французские правящие круги, невзирая на их традиционные связи и симпатию к политическим противникам пилсудчиков — эндекам, решили признать фактическое положение вещей. 14 мая Лярош рекомендовал руководству Кэ д'Орсе проявлять сдержанность по поводу происшедших событий, но вместе с тем признать новое правительство, назначенное маршалом. 16 мая А. Бриан телеграфировал послу: «Я одобряю Вашу позицию по вопросу о признании де-факто правительства, которое создается маршалом Пилсудским и которое, как представляется... является левым правительством, признанным страной. Наша информация из Германии и России говорит о том, что там господствуют мирные настроения. В Европе, видимо, преобладает мнение, что Пилсудский, который относится к России враждебно и подозрительно, будет искать соглашения с Берлином, во всяком случае, в экономической области, и встретит там примирительные тенденции»³. Политические круги Франции опасались, что Пилсудский поддастся нажиму Англии, поведет политику уступок в отношении Германии и ослабления связей с Францией. Причиной столь активного интереса Франции к положению в Польше были опасения за судьбу созданной французской дипломатией системы союзов, существенным звеном которой была Польша.

Больше всего интересовали Францию перспективы и характер польско-советских отношений. Вопреки различным предположениям Пилсудский не осуществил в первый период после майского переворота резких изменений в отношениях с Советским Союзом. В какой-то мере это было подтверждено в интервью, которое спустя две недели после переворота дал французскому агентству «Гавас» вице-министр иностранных дел Р. Кнолль. Он, в частности, заявил: «Концепция Польской федерации в составе Белоруссии, Украины и Литвы в качестве свободных республик, вновь соединенных с Польшей... которой маршал Пилсудский руководствовался в 1919 г., принадлежит прошлому. Политика, основанная на Рижском договоре и экономическом сближении с Россией, которую проводил господин Скиншинский (бывший министр иностранных дел. — С. Л.), остается главным принципом восточной полити-

² Ibid., s. 34.

³ Ibid., s. 40.

ки Польши»⁴. Этим заявлением Р. Кнолль пытался успокоить польскую общественность и Советское правительство, а также общественное мнение во Франции, встревоженное майскими событиями в Польше. Бесспорно, что Пилсудский никогда не стремился к широкому и длительному сотрудничеству с Советским Союзом.

Французская дипломатия была заинтересована в скорейшей внутренней стабилизации Польши, нарушенной майским переворотом. В таком направлении она оказывала давление на правую оппозицию Пилсудскому в стране, что нашло свое выражение в беседе Ляроша с одним из руководителей польских помещиков, председателем кредитного земельного общества Вл. Глинкой. Последний так описывает эту встречу: «24 мая я имел продолжительную беседу с французским послом, господином Лярошем. Он осуждает государственный переворот и кровопролитие, но считает, что свершившийся факт следует признать... Он подробно беседовал с маршалом, который производит впечатление человека, знающего, чего он хочет, а то, чего он хочет, если ему удастся это осуществить, было бы для Польши благом»⁵. 20 мая во французском посольстве в Варшаве состоялась беседа между Пилсудским и Лярошем. Пилсудский заверил Ляроша в соблюдении конституционных форм, а также в том, что вскоре будут подавлены местные беспорядки и созван сейм. Одновременно Пилсудский заявил, что, хотя в прошлом он был социалистом, коммунисты являются его истинными врагами⁶.

Пилсудский старался опровергнуть свою репутацию политика, ориентирующегося больше на Германию и Англию, чем на Францию. Визит во французское посольство сразу же после переворота был, в частности, попыткой поколебать репутацию его противников из лагеря эндеков как единственных сторонников альянса с Францией. Французская дипломатия определенно предпочла бы видеть у власти в Польше своих сторонников из кругов эндеков, но была вынуждена считаться с свершившимися фактами. Вот почему, не питая симпатии к пилсудчикам, она искала пути сотрудничества с ними.

Большой интерес к внутреннему положению в Польше проявляла также Англия. Правительство консерваторов в тот период активизировало политику в Восточной Европе. Перед майским переворотом английский посол в Варшаве М. Мюллер и английский военный атташе Клейтон были частыми гостями у Пилсудского. Британская дипломатия была информирована о подготовке государственного переворота и отнеслась положительно к захвату власти пилсудчиками. Посол Польши в Лондоне К. Скирмунт так излагал позицию британского правительства по этому вопросу: «Что касается отношения самого английского правительства к событиям в Польше, то из очень осторожных высказываний чиновников Форин Оффис и более прямых и ясных заявлений здешнего военного министерства нашему военному атташе я должен сделать следующие выводы: англичане предвидели возвращение маршала Пилсудского к активной и более влиятельной позиции в польской государственной жизни, и это отвечает их желаниям»⁷. О том, что английская ди-

⁴ «Temps», 27.V.1926.

⁵ Biblioteka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Papiery J. Steckiego, t. 15 (записка Вл. Глинки).

⁶ J. Lagoché. Op. cit., s. 45. В прошлом Ю. Пилсудский был одним из лидеров Польской социалистической партии. После раскола, в 1906 г., он возглавил правое крыло ППС—революционная фракция. С момента обретения Польшей независимости Пилсудский был выдвинут на пост руководителя возрожденного польского государства, порвав уже раньше связи с ППС. Политические противники Пилсудского среди правых группировок считали его вождем «красных». Поэтому в беседах с дипломатами западных стран Пилсудский демонстрировал свой антикоммунизм.

⁷ Archiwum Akt Nowych. Akta J. i A1. Pilsudskich, Adiutantura Belwederu (далее — ААН). Т. 4, s. 8. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 20. V. 1926.

пломатия была полностью осведомлена о подготовке переворота, наиболее убедительно свидетельствует тот факт, что Форин Оффис ранее разослал своим учреждениям циркуляр, в котором высказывалось «благожелательное отношение к оппозиции против формировавшегося кабинета Витоса, предсказывалось, что этот кабинет будет устранен силой, и констатировалось, что такой оборот дела отвечает британским интересам. В качестве мотива приводилось то, что Витос, а особенно министр финансов Здзеховский противятся установлению в соответствии с планом Великобритании контроля Лиги Наций над польской экономической политикой. Руководители же оппозиции обнаруживают гораздо большее понимание необходимости для молодого государства сотрудничать с международными учреждениями»⁸. Об этом сообщает в своих воспоминаниях К. Моравский, вице-министр иностранных дел в кабинете А. Сквинынского, исполнявший с согласия Пилсудского обязанности министра иностранных дел в правительстве Витоса, то есть человек, хорошо информированный.

К. Скирмунт в одном из своих донесений писал, что, по мнению английского правительства, раскол в сейме, невозможность создания правительства, которое пользовалось бы поддержкой парламента, — серьезные и длительные препятствия для стабилизации отношений в Польше, в которой заинтересован английский капитал. Промышленные и финансовые круги Англии стремились поставить польские финансы под иностранный контроль. Репутация непримиримого противника Советского Союза, которая прочно закрепилась за Пилсудским, обеспечивала ему полную поддержку и симпатию английских консерваторов, считавших главной опасностью для Англии в Европе Страну Советов. Одновременно те же круги положительно относились к перспективе польско-германского сближения⁹. Английская дипломатия стремилась также к ослаблению отношений между Польшей и Францией и подчинению польской внешней политики английским интересам. С Англией Пилсудский связывал большие политические и экономические надежды. По этой причине предпринимались усилия для того, чтобы привлечь на сторону нового режима в Польше английское общественное мнение. Польское посольство в Лондоне старалось через посредство Форин Оффис соответствующим образом инспирировать английскую прессу. В донесении от 12 мая 1926 г. посол Скирмунт сообщал в министерство иностранных дел, что почти все серьезные газеты «относятся весьма благожелательно к личности маршала Пилсудского. Это в первую очередь касается ультраконсервативной «Morning Post», которая в течение ряда лет проявляет неизменно дружественное отношение к нам, и консервативных «The Times», «The Sunday Times» и «Observer». Либеральная печать также благожелательно относится к его (Пилсудского) личности и намерениям»¹⁰.

Английское правительство позитивно отнеслось и к первым распоряжениям нового правительства. Из меморандума, разработанного в Форин Оффис, с которым было ознакомлено польское посольство в Лондоне, вытекает, что, по мнению английского правительства, экономические вопросы в Польше должны быть предметом особой заботы новых властей. В целях улучшения финансового положения в Польше предлагалось надлежащим образом разработать налоговую систему. Разумная политика в этой области могла, по мнению авторов меморандума, привлечь на помощь иностранный капитал. Для английской стороны речь шла об обеспечении выгодных условий для вложения капиталов

⁸ К. M o r a w s k i. Tamtenbrzeg, wspomnienia i szkice. P. 1961, s. 165.

⁹ AAN, т. 4, s. 8. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 20. V. 1926.

¹⁰ Цит. по: «Sprawy miedzynarodowe», 1956, № 6, s. 68.

и подчинении польской экономики иностранному контролю. Авторы меморандума высказывали большие опасения по поводу социальных отношений в Польше. Они опасались революционных настроений как в городе, так и в деревне. Их беспокоил вопрос, обладает ли польское правительство достаточными силами, чтобы противостоять попыткам социального переворота в деревне, который могут вызвать элементы, разочаровавшиеся после майского переворота в своих надеждах. Они давали понять, что в силу причин чисто личного характера правительство может лишиться поддержки «тех слоев, которые в нормальных условиях призваны стоять на страже общественного порядка». Форин Оффис рекомендовал назначить министром иностранных дел А. Скиншиньского, о котором говорили, что в период Локарно он изменил франкофильскую ориентацию польской внешней политики на пробританскую¹¹. Однако Скиншиньский, будучи премьером, восстал против себя Пилсудского в связи с обсуждением закона о высшем военном командовании, и это перечеркнуло его шансы на получение после майского переворота портфеля министра иностранных дел и вообще на дальнейшую дипломатическую службу.

Пилсудский первоначально намеревался поручить ведомство иностранных дел Я. Радзивиллу, который выполнял эти функции в 1918 г. в период Регентского совета. Однако отрицательная позиция по этому вопросу Ляроша заставила его отказаться от этой кандидатуры. Министром иностранных дел стал А. Залеский¹². Он был известен в Англии, где находился некоторое время в период первой мировой войны и где получил степень доктора наук в одном из английских университетов. Английская дипломатия положительно отнеслась и к назначению на пост премьера К. Бартеля и других министров (финансов, промышленности и торговли)¹³.

Майский переворот не вызвал широкого отклика в Соединенных Штатах. В тот период политика США в отношении стран Центральной Европы в основных вопросах была сходной с позицией Англии. Государственный департамент не занимался Польшей столь активно, как это имело место в конце первой мировой войны или во время второй мировой войны. Вопрос о Польше всплывал на поверхность главным образом в связи с политикой в отношении Советского Союза или в отношении Германии. Наряду с упомянутыми аспектами Соединенные Штаты придавали в тот период большое значение стабилизации внутреннего положения в Польше, что было тесно связано с интересами американских финансовых кругов. Пилсудский, пользовавшийся репутацией волевого человека, служил гарантией стабилизации политической власти. А стабилизация создавала дополнительные возможности для американского капитала. Американский посол в Варшаве Стетсон в беседе с Вл. Глинкой заявил, что в глазах иностранцев Пилсудский «олицетворяет сильную власть и порядок, а иностранный капитал прежде всего ждет гарантий такого рода»¹⁴. Год спустя, осенью 1927 г., американские банки при участии английских предоставили стабилизационный заем польскому правительству. Благожелательность Англии и США к Пилсудскому в большой мере была связана с его отношением к Германии. Английская дипломатия стремилась примирить интересы Польши и Германии, чтобы иметь возможность направить оба государства против Советского Союза. Пилсудский ка-

¹¹ AAN, t. 4, s. 15—17. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 20.V и 21.VI. 1926.

¹² J. Krasuski. Stosunki polsko-niemieckie 1926—1932. Poznan. 1964, s. 43.

¹³ AAN, t. 6, s. 67. Донесение К. Скирмунта в министерство иностранных дел от 21. V. 1926.

¹⁴ Biblioteka Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Papiery J. Steckiego, t. 15 (записка Вл. Глинки).

зался подходящей кандидатурой для реализации этих намерений, так как был известен своей антисоветской одержимостью.

Государственный переворот в Польше вызвал большой интерес и доброжелательное отношение в Германии. Германская печать различных направлений строила множество домыслов и предположений, среди которых бросались в глаза тезисы об антисоветской позиции Пилсудского, о его большой заинтересованности в проблемах восточной политики и благосклонном отношении к Германии. Еще во время боев в Варшаве между правительственными войсками и пилсудчиками влиятельная газета «Vossische Zeitung» писала 14 мая 1926 г., что «Пилсудский возвысился в войне против России. Славянская опасность на востоке всегда превосходила в его глазах германскую опасность на западе. В то время как правые националисты отказывались от политики соглашения с Германией и искали скорее соглашения с Россией, устремления Пилсудского были обращены в противоположную сторону». На страницах «Tägliche Rundschau» барон В. Рейнбабен, выражая радость по поводу майского переворота в Польше, заявлял о готовности Германии оказать Польше экономическую помощь при одновременной ревизии границ. Социал-демократическая «Vorwärts» указывала на возросшие после майского переворота надежды на возвращение Гданьска и (Гданьского) коридора Германии¹⁵. Было очевидно, что взгляды, выражавшиеся германской прессой, соответствовали позиции правительственных кругов Германии. Уже в декабре 1926 г. государственный секретарь министерства иностранных дел Карл фон Шуберт в беседе с А. Залесским заявил, что «никакое серьезное соглашение между обоими государствами вообще недопустимо без предварительного урегулирования вопросов «коридора», Гданьска и Силезии». Таков был ответ на усилия послемайского правительства, направленные на нормализацию отношений с Германией и прежде всего на урегулирование всех экономических вопросов, прекращение таможенной войны и заключение торгового договора. А. Залесский, отвечая фон Шуберту, заявил, что Польша никогда не согласится на подобные предложения¹⁶. В инструкции дипломатическим представительствам А. Залесский рекомендовал исключать из бесед вопрос о ревизии польско-германской границы, категорически заявляя, что Польша никогда на это не согласится¹⁷. 9 января 1927 г. А. Залесский выступил с речью в Обществе международных проблем в Варшаве, в которой коснулся антипольской проаганды в Германии. Он утверждал, что польская дипломатия стремится к установлению добрососедских отношений с Германией, однако подчеркнул, что «за эти добрососедские отношения мы не станем платить ревизией наших западных границ. Ни за какую цену мы не уступим ни пяди поморской или силезской земель, земель исконно польских, которых мы были лишены силой и которые в результате победы права и справедливости возвращены нам»¹⁸. Позиция, выраженная А. Залесским, пользовалась поддержкой в Польше, поскольку в вопросе принадлежности Поморья и Силезии к Польше различные партии и политические направления были единодушны.

Начавшиеся после майского переворота польско-германские переговоры потерпели фиаско. Правительство Германии не хотело допустить урегулирования экономических вопросов с Польшей, не добившись ревизии границ. Последствия таможенной войны наносили ущерб прежде

¹⁵ «Kurier Warszawski», 22. V. 1926, «Vorwärts», 19. V. 1926 (дневной выпуск).

¹⁶ Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (далее — AMSZ). Wydział Zachodni, P-11, w. 10, t. 6. Письмо А. Залесского послам в Берлине и в Лондоне от 20. XII. 1926.

¹⁷ Ibid., t. 20. Инструкция А. Залесского заграничным представительствам от 22. XII. 1926.

¹⁸ A. Zaleski. Przemowy i Deklaracje. Warszawa. 1929, s. 61.

всего польской экономике, для Германии они были менее чувствительны. Сохранение напряженности в отношениях с Польшей позволяло немецким шовинистам спланировать общественное мнение вокруг ревизионистских лозунгов. Они считали вопрос о границах открытым. Именно эти проблемы обусловили провал попытки Пилсудского нормализовать сразу же после майского переворота отношения с Германией¹⁹.

В Италии майский переворот был положительно оценен официальными кругами. Правительственные круги, группировавшиеся вокруг Муссолини, не придавали особого значения роли Польши в международной политике. Важнейшими вопросами, которые в данном случае привлекли внимание в Италии, были перспектива борьбы с буржуазной демократией в Польше и возможность установления правительства «сильной руки», которое опиралось бы на «сильную» личность и добивалось бы приоритета исполнительной власти в сравнении с законодательной. В Италии считалось, что именно таким деятелем и является Пилсудский — он, как и Муссолини, сумеет выполнить эти задачи. Польский военный атташе в Риме полковник И. Матушевский так оценил отношение кругов, группировавшихся вокруг Муссолини, к ситуации в Польше после майского переворота: «Всякое уменьшение прав парламента, всякое усиление исполнительной власти будет здесь воспринято как подтверждение фашистского тезиса о том, что либеральное государство изжило себя и подлежит перестройке, и как таковое встретит симпатию». Возвращение к парламентско-правовым отношениям домашнего периода произвело бы, по мнению И. Матушевского, отрицательное впечатление, а именно что поляки не способны освободиться от «тирании парламентских институтов», упрочило бы убеждение в том, что создание сильной исполнительной власти, опирающейся на «левые» элементы или беспартийные круги, преданные маршалу Пилсудскому, невозможно. И. Матушевский правильно оценил отношение фашистских кругов Италии к майскому перевороту в Польше. Муссолини в беседе с послом Польши в Риме С. Козицким, состоявшейся во время уличных боев в Варшаве, отозвался с большой симпатией о заговорщиках. Он убеждал посла в том, что государственный переворот укрепит и оздоровит Польшу. Симпатия к новому режиму в Польше, которую проявили Муссолини и фашистские круги, не отражала мнения широкой общественности Италии. В обзоре прессы польское посольство в Риме обращало внимание на отрицательное отношение части общественного мнения к майскому перевороту в Польше, особенно той, которая находилась в оппозиции к режиму Муссолини. Никаких изменений в польско-итальянских отношениях после майского переворота не произошло. Военные переговоры, начатые до переворота, были по приказу Пилсудского продолжены²⁰.

В Румынии майский переворот встретил положительный отклик. Газеты всех политических направлений восхваляли Пилсудского и приветствовали известия о прекращении боев в Варшаве и других городах страны. В румынских политических кругах опасались, что продолжение внутренней борьбы ослабит позиции Польши на международной арене, вынудит ее прекратить проведение антисоветской политики и уменьшит значение польско-румынского союза. Военные круги Румынии особенно опасались раскола в польской армии. Персональные изменения в командовании оценивались как сведение личных счетов сторонников Пилсудского с его противниками²¹. После майского переворота

¹⁹ Польско-германские переговоры подробно рассматривает И. Красуский (J. Krasuski. Op. cit., s. 39—76).

²⁰ Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych (далее — CAMSW). W.—w. 2, t. 1, dok. 143. Рапорт военного атташе Польши в Риме И. Матушевского начальнику II отдела генерального штаба от 28.V.1926.

²¹ Там же, dok. 140. Рапорт военного атташе Польши в Бухаресте от 28. V. 1926.

сотрудничество Польши и Румынии стало еще более тесным. Проекты изменения польской конституции в направлении усиления роли президента и создания правительства с большими исполнительными прерогативами комментировались в весьма благоприятном духе.

В Эстонии майские события в Польше также встретили доброжелательный прием. О Пилсудском писали как о способном деятеле с сильным характером, который сумеет обеспечить расцвет и могущество Польши. Как пресса, так и политики, безотнositельно к разделявшим их разногласиям, подчеркивали, что именно Пилсудский первый выдвинул проект тесного союза прибалтийских государств²². Эстонские политики были заинтересованы в консолидации балтийских стран, включая Польшу. Союз с Польшей и другими балтийскими странами давал эстонским правящим кругам надежду на предотвращение революции. Подобную же позицию в отношении переворота заняло правительство Латвии. Экономические круги Латвии и Эстонии надеялись, кроме того, что им удастся установить с новым правительством Польши более тесные экономические отношения, расширить торговый обмен и увеличить экспорт в эту страну.

Одним из немногих государств, поддерживавших нормальные отношения с Советским Союзом в рассматриваемый период, была Турция. В марте 1921 г. правительство Кемаля Ататюрка заключило с СССР договор о дружбе и братстве, отменивший все старые соглашения, навязанные Турции царской Россией с помощью силы. Договор подчеркивал право наций на самоопределение, призывал к солидарности обеих стран в борьбе с империализмом и определял новую границу. Развитие дружественных отношений между обеими странами привело к подписанию 17 декабря 1925 г. нового договора о дружбе и нейтралитете. Этот договор положил начало серии двусторонних договоров о ненападении, подписанных СССР с другими, главным образом соседними, государствами. После подписания договора 1925 г. турецко-советские отношения продолжали улучшаться²³. В Турции считали, что переворот Пилсудского приведет к обострению отношений между Польшей и СССР. Кроме этого аспекта, скептическое отношение к событиям в Польше было обусловлено внутренней революционной обстановкой в Турции. Когда одна из газет опубликовала сообщение под заголовком «Революция в Польше», Ататюрк подверг ее острой критике, а в официальной печати появилась статья, осуждающая участие армии в перевороте в Польше²⁴. Из числа рассмотренных капиталистических государств только Турция наряду с Францией сдержанно приняла майский переворот в Польше.

Государственный переворот, совершенный Пилсудским, не застал Советское правительство врасплох. Еще 14 ноября 1925 г. «Известия» сообщили, что сторонники Пилсудского, стоящие в резкой оппозиции к существующему правительству, намереваются использовать катастрофически ухудшившуюся экономическую обстановку в стране, а также трудное положение кабинета для совершения государственного переворота. Во главе организации, отмечала газета, стоит сам Пилсудский, который пользуется поддержкой части партии «Вызволене» и ППС. В январе и феврале 1926 г. советская печать вновь писала о возможности государственного переворота в Польше. Пилсудского в Советском Союзе знали. Его считали крайним националистом, человеком, настроенным резко антисоветски. Допускалась возможность того, что Пилсудский

²² Там же. W.—w. 2, t. 2, dok. 148. Рапорт пор. Кинктопфа из военного атташата Польши в Хельсинки от 2. VI. 1926.

²³ «Документы внешней политики СССР». Т. III. М. 1959, док. 342; т. VIII, М. 1963, док. 418.

²⁴ CAMSW. W.—w. 2, dok. 152. Рапорт военного атташе Польши в Турции подполк. Т. Схаэццля.

возвратится к старым концепциям внешней политики на востоке — федерации Польши с Литвой и захвату Белоруссии и Украины. Известны были также связи между лагерем пилсудчиков и русской, кавказской и украинской белой эмиграцией. В СССР полагали, что в случае прихода пилсудчиков к власти сотрудничество Польши с боярской Румынией и прибалтийскими странами станет еще более тесным. В СССР опасались также сближения Польши с Англией, консервативное правительство которой проводило все более антисоветскую политику. В свете всех этих возможностей надеяться, что в польско-советских отношениях сохранится политический курс периода Локарно, было трудно. Ожидалось, что политический курс после переворота приведет к обострению отношений с СССР. 15 мая посол Польши в Москве Ст. Кентжинский имел беседу с членом коллегии Народного комиссариата по иностранным делам Б. Стомоняковым и сообщил ему об отставке правительства В. Витоса, а также заявил, что Пилсудский будет продолжать в отношении СССР политику предыдущего правительства. Двумя днями позже, уже по поручению нового правительства, Ст. Кентжинский официально заявил Б. Стомонякову, что политика Польши останется прежней и что новое правительство будет сотрудничать со всеми другими государствами для поддержания всеобщего мира. После избрания президента и образования парламентского правительства, заверил посол, переговоры по различным вопросам, начатые с СССР, будут продолжены²⁵.

В мае и первые дни июня советская печать посвящала перевороту много места. Первоначально это были краткие сообщения о событиях, в последующих публикациях резко отрицательно оценивались характер переворота и перспективы дальнейшего развития обстановки в Польше²⁶. Из высказываний советских руководителей вытекало, что их беспокоит политический курс Польши после майского переворота. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин в беседах с иностранными дипломатами подчеркивал, что Советское правительство видит рост опасности с запада главным образом в возможности проведения единой антисоветской политики Польшей, Англией и Германией²⁷.

Для того, чтобы предупредить проявление антисоветских агрессивных намерений пилсудчиков, Советское правительство представило 24 августа 1926 г. проект договора о ненападении. В нем выделялись четыре основных вопроса: 1) взаимное воздержание от агрессивных действий; 2) сохранение нейтралитета в случае нападения на одну из договаривающихся сторон третьего государства; 3) неучастие в политических и экономических соглашениях, направленных против другой стороны; 4) разрешение спорных вопросов смешанной согласительной комиссией, состоящей из представителей обоих государств. В компетенцию этой комиссии входили бы только те спорные вопросы, которые возникли бы после подписания договора²⁸.

Польская сторона затягивала ответ на советское предложение подписать пакт о ненападении. Ставка польской дипломатии на затяжку начала переговоров о проекте пакта о ненападении была связана со всей политикой послемайского правительства. Уже в июле 1926 г. сейму был представлен гарантийный договор с Румынией, антисоветский характер которого не вызывал сомнений. Правительство Пилсуд-

²⁵ «Документы внешней политики СССР». Т. IX, М. 1964, док. 160; «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М. 1967. Т. V, док. 2.

²⁶ См. «Известия», 19, 22, 27. V. 1926; 1, 12, 26. VI. 1926; «Правда», 30. V. 1926; 29. X. 1926.

²⁷ В беседе с послом Германии в Москве У. Брокдорф-Рантцау Г. В. Чичерин представил Пилсудского как сторонника Англии и противника профранцузской ориентации. Он предвидел, что Пилсудский будет искать сближения с Германией в целях обеспечения ее поддержки в случае нападения на СССР. См. «Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes», телеграмма У. Брокдорф-Рантцау в МИД Германии от 22. V. 1926.

²⁸ «Документы внешней политики СССР». Т. IX, док. 244.

ского поддерживало также давние контакты с кавказской белой эмиграцией, руководство которой в тот период находилось в Турции. После майского переворота активизировались белогвардейские группировки, находившиеся на территории Польши. В июле 1926 г. контрразведке корпуса обороны пограничных войск стало известно о подготовке убийства советского посла П. Войкова, проводившейся по поручению великого князя Николая Николаевича²⁹. Руководство монархистского центра в Польше рассчитывало использовать убийство советского посла в целях провокации вооруженного конфликта между обоими государствами. Все эти факты, несомненно, вели к ухудшению польско-советских отношений. Тревогу внушало также влияние западных держав на внешнюю политику Польши. Особенно опасным был рост английского влияния. Английские консерваторы организовывали в то время единый антисоветский фронт от Тихого океана до Балтики. Таким образом, множились проблемы, обусловившие ухудшение польско-советских отношений после майского переворота. При этом следует обратить внимание на тот факт, что радикально ухудшить отношения с Советским Союзом Пилсудский не имел возможности. Этому препятствовало неустойчивое положение пилсудчиков внутри страны и главным образом прочное и официально признанное положение Советского Союза на международной арене.

Прогнозы иностранных кругов в отношении внешней политики Польши в результате майского переворота не сразу оправдались. Пилсудский первоначально пытался сохранить тесные дружественные отношения с Францией и одновременно урегулировать отношения с Германией, которые в 20-х годах окончились неудачей. Политика Польши по отношению к балтийским странам не изменилась, но ее отношения с Румынией укрепились. Одновременно усилилось влияние Англии на Польшу. Коренное изменение внешней политики Польши наступило только в 30-х годах, когда польско-французские связи ослабли и был подписан пакт о ненападении с Германией, который означал изменение польской внешней политики и явился одной из причин поражения Польши в сентябре 1939 года.

²⁹ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Т. V, док. 7, 12, 16.